

2013

1. Слова неродного языка в мире героев «малой» прозы Л.Улицкой // На хвалях мовы : да 90-годдзя з дня нараджэня акадэміка М. В. Бірылы : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Мінск, 10–11 верасня 2013 г.) / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры, Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі; Бел. дзярж. пед. ўніверсітэт імя Максіма Танка. — Мінск : Беларуская навука, 2014. – С. 321 – 323.

В.В. Трутцько, Мінск

**СЛОВА НЕРОДНОГО ЯЗЫКА В МИРЕ ГЕРОЕВ
«МАЛОЙ» ПРОЗЫ Л. УЛИЦКОЙ**

Почти во всех рассказах Л.Улицкой (циклы «Бедные родственники», «Девочки») в сложной и жесткой реальности эпохи фигурируют в качестве героев люди разных национальностей, и их взаимоотношения, скрыто или явно (или явно и подчеркнута) обусловленные национальной спецификой, составляют актуальный план текста, порой являются основой сюжета, определяют формирование и развитие ситуаций произведения. Речь идет, с одной стороны, о представителях «титупьной» нации, русских, с другой – о людях, относящихся к так называемым национальным меньшинствам: евреях, узбеках, армянах, грузинах, к которым у «титупьной» нации не всегда было однозначное отношение. При этом будем говорить о значимых героях, которые сами совершают действия, влияющие на реализацию идеи произведения.

Национальный «фон» сюжетной линии текстов также почти всегда многообразен, что представлено в таких контекстуальных сигналах, как, например, происхождение матери кого-либо из значимых героев. У Гули («Гуля») мать полунемка, у Виктора Петровича («Бронька») княжна грузинская, у Катинной матери («Народ избранный») – цыганская кровь. То есть даже представители «титупьной» нации по сути оказываются наполнены интернациональным генетическим «содержанием». И каждый раз подобные факты либо придают новые черты образу, либо обуславливают некие значимые действия.

Название рассказа	Значимые герои по национальной принадлежности
«Счастливые»	евреи
«Бедные родственники»	евреи, русские
«Бронька»	евреи, русские
«Генеле-сумочница»	евреи
«Дочь Бухары»	русские, евреи, узбеки
«Лялин дом»	русские, азиаты
«Гуля»	русские
«Народ избранный»	русские
«Дар нерукотворный»	русские, грузины

«Чужие дети»	армяне, русские, евреи
«Подкидыш»	евреи, армяне
«Второго марта того же года»	евреи, русские
«Ветряная оспа»	русские, армяне
«Бедная счастливая Колыванова»	русские, шведы

Как видно из таблицы, только в четырех рассказах в качестве значимых героев фигурируют герои одной национальности – евреи или русские. Однако у главных героинь рассказов «Гуля» и «Народ избранный» (см. выше) в крови – примесь.

Вопросы диалога национальностей очевидно важны для писательницы, и эта заинтересованность прослеживается не только в сюжетных перипетиях, не только в том, что значимыми героями «назначены» люди разных культур, но и в языке произведения – в языке героев, в том, как они воспринимают слова неродного, чуждого им языка, в диалоге языков. Например, в рассказе «Бедные родственники»: *Далее разговор дам шел по-французски, что всегда приводило Нину [домработницу – В.Т.] в тихую ярость. Она была уверена, что хозяйка ругает ее по-еврейски* [1, 17].

Можем видеть не только, как воспринимают, но и как применяют героини слова неродного языка:

– *Да смотреть-то обидно. Жениться на головешке азиатской... Одно слово – Бухара!* [1, 53].

Даже фонетический облик слова *азиатской* (ази[j]атской) передает сопротивление русского языкового сознания, и сочетание двух гласных в одной морфеме пресекается вставкой [j], что соответствует закону восходящей звучности и традиционному русскому просторечному произношению подобных иноязычных слов (типа г[и]атр, фи[j]алка и др.) А топоним Бухара становится именем собственным, отражающим не только сложное отношение старой Паши и двора к молодой женщине, но и отношение к чуждой национальности в целом: иначе почему название редкого по красоте узбекского города стало обозначением не просто непонятного и неизвестного, но неприятного, негативного.

А в следующем примере из того же рассказа «Дочь Бухары» сочетаются интернациональные слова, и представлены сигналы уже трех языков: *Так Андрей Иннокентиевич и не узнал до самой своей смерти, наступившей внезапно и легко вскоре после рождения правнучки, о том, сколь рафинированная, перегоняемая многими столетиями в лучших медресе Азии кровь течет в жилах желтолицей и желтоволосой девочки, которую торжественно привезли из роддома имени Крупской в сером «опель-кадете»* [1, 54]. Сигналы русской, азиатской и европейской (германской) культур сплелись в один сюжетный узел – в этом примере и во всем тексте. Учитывая, что действие, замешенное на разной крови и разных культурах, происходит в пространстве «архаичной и слободской московской жизни» [1, 50], враждебной чуждому миру, результат оказывается предсказуемо жестоким и сложно-

двойственным: девочка с синдромом Дауна, которую предают ее «такой правильный, ... русо-русский» отец, а мать, «головешка азиатская», растит и, уже смертельно больная, выдает замуж за еврейского юношу с такой же болезнью. «Брак их был прекрасным», но «ненастоящим» [1, 67]. Частичка чистого, неопороченного счастья вошла в этот мир и сделала его лучше, но эта «частичка» конечна, не будет иметь продолжения...

Интересно, что объяснение не всегда однозначно понятным экзотизмам дается в тексте порой не прямое, а, скорее, описательно-эмоциональное: *...о первых днях внезапно постигшей его любви к девственной красавице, истинному чуду военного времени, присланному в госпиталь вместо демобилизованных медсестер прямо из джанны – мусульманского рая.*

Прямое объяснение таким словам также встречается в тексте: *...Эмма Ашотовна установила, что Виктория – она звала ее про себя «егрорт», по-армянски «вторая», – яростно орёт, если бутылочку с молоком подносят сначала ее сестре. Старшая сестра, которую бабушка называла «ара-чин» – «первая», голоса вообще не подавала [1, 127].* В принципе, если говорить о причине введения в данный контекст армянских слов, чельзя не увидеть их «говорящего» фонетического рисунка, который предвещает будущие характеры девочек: бурно-деятельный и по-мужски изобретательный у «егрорт», женственный и застенчиво-мягкий у «ара-чин».

Вообще Л.Улицкой свойственно отчуждение к слову как к своего рода совокупности ощущений, наделяние его не свойственными ему характеристиками: геометрической формой, вкусом, цветом, звуком, качествами, присущими иным предметам или понятиям (*...комплиментарные, извилистые и дохлые слова [1, 93], Держа указку как рапиру, она ткнула ее концом в негнущееся слово «интернациональный» [1, 170]* и др.)

Особенно это заметно при введении в текст слов неродного для данного героя языка: в ситуациях, когда он такие слова слышит или произносит.

Теперь разом рухнула его вера в Маргариту... Все, все, все они... И плоское, лысое, розовое, как блевотина, русское слово произносил он с каким-то садистическим удовлетворением и неустрашимым акцентом. «Би-ля-ди» – было это слово [1, 131]. Весь мир армянина Серго перевернулся при мысли, что жена изменила ему, и все его необъятное страдание заключено в слове неродного ему языка, ибо родные армянские слова не могут выразить всего презрения, всей гадливости, всей ненависти...

Способ, форма произнесения слов чужой культуры также важны для понимания мирознания героя и концепции самого автора. Поэтому интересно также обратить внимание на частые ситуации, когда произнесение слов чужой культуры говорит само за себя и остается в контексте без комментариев. Например: *А Антонина Владимировна все неслась по опасному пути:*

– И армяне, и азербиджанцы, – так и сказала «азербиджанцы»...мимо, мимо...нет!.. – и евреи! [1, 170].

Таким образом, стремление Л. Улицкой показать «калейдоскоп» людских характеров в жестких рамках сложной и неоднозначной эпохи во многом связано с наложением на эти характеры «знака» национальности. В контексте

особенности соотношения между разными «знаками» показаны очень часто именно с помощью слов неродного языка. Автор талантливо обыгрывает восприятие и произнесение этих слов, тщательно обосновывая не только их введение в контекст, но и сам способ введения. И во многом «взаимоотношения» героя и слова (или слов) неродного ему языка определяют понимание развития сюжета, системы образов, концепции самого произведения.

Список использованных источников

1. Улицкая, Л. Бедные, злые, любимые: Повести. Рассказы / Л. Улицкая. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 384 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ